

Черная полоса

Автор:

Владимир Колычев

Черная полоса

Владимир Григорьевич Колычев

Колычев. Лучшая криминальная драма

Василиса – дочь богатого бизнесмена, единственная выжившая из всей семьи после жестокой бандитской расправы. Теперь ей во что бы то ни стало надо найти убийц. Но как это сделать одной? Случайно она знакомится с Матвеем, у которого с местным криминалом свои счеты: год назад в результате разборок погиб его брат. Похоже, оба преступления – дело рук одной и той же банды. Молодые люди решают объединиться и нанести общему врагу ответный удар...

Владимир Колычев

Черная полоса

© Колычев В. Г., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Часть первая

Глава 1

Скорость рождает чувство взлета, окрыляет и даже возбуждает. Душа раскрывается, как парашют. Правда, чувствовала это Василиса почему-то не верхним умом, а нижним. Как будто юбка куполом поднялась и ветер под нее забил, тугой горячей струей ударил в одну точку, под которой бурлила, требуя выхода, целая бездна чувств. Или просто ощущений. Но очень уж сильных.

В какой-то момент Василиса ощутила себя необузданной Сивкой-Буркой, на которую должен был запрыгнуть лихой молодец. Но какой из Глеба наездник?

Василиса косо глянула на парня, который сидел за рулем. Худощавый, остролицый, изнеженный тепличным воспитанием и разбалованный отцовскими деньгами. Да, машина под ним сильная, быстрая – «Порше» девятьсот одиннадцатой модели. Четыреста лошадей под капотом. Он довольно лихо управлял ими. Да и с обычной кобылой, пожалуй, справился бы. У его отца имелась своя конюшня. А вот Василису этот мальчонка объездить не сможет, не удержится в седле.

– Ну и как тебе машинка? – спросил Глеб.

Он смотрел на дорогу, стиснув зубы, грудь приблизил к рулю, раскинул локти.

– Расслабься и получишь удовольствие, – с усмешкой проговорила Василиса.

– Ну да. – Глеб откинулся в кресле, затылком приложился к подголовнику, но спустя минуту-другую снова вернулся в состояние сжатой пружины.

Скорость, она ведь не только возбуждает, но и убивает. Иногда одно становится причиной другого.

«Хотела бы я умереть от секса? – задала вдруг Василиса себе странный вопрос. – А что это такое вообще? В кино много чего показывают, но как оно бывает в жизни?»

- Отвези меня домой, – сказала она.

- Мы же в клуб собирались, – проговорил Глеб и нахмурился.

- Мне мама не разрешает.

- Ты же сказала, что можно.

- А мама позвонила, сказала, что нельзя. – Василиса коснулась пальцем сумочки, в которой у нее лежал сотовый телефон.

Это была раскладная «Моторола» с тонкой выдвижной антенной, компактная, удобная. Она легко помещалась в сумочку.

- Когда она тебе звонила? Почему я этого не слышал?

- Что такое виброзвонок, знаешь?

- Где он там у тебя вибрировал? – с ухмылкой осведомился Глеб.

- Тебя там не будет! Домой, говорю, давай! – потребовала она.

Мама действительно не разрешала ей зажигать в ночных клубах, но если с Глебом, то можно. Они учились в одной частной школе, с разницей в два класса, теперь будут грызть гранит науки в одном институте – международных отношений. Глеб закрывал второй курс, а Василиса поступала на первый.

Для мамы он – мальчик из хорошей семьи. Вот пусть она сама и выходит за него замуж. Тем более что папа возражать не станет. Ему на всех наплевать – и на маму, и на дочь. Живет с какой-то фотошлюхой. Кобель!..

- Какая-то ты сегодня злая, – сказал Глеб и вздохнул.

Он снова держался за руль мертвой хваткой, взгляд его прикипел к дороге.

- А ты всегда напряженный.

Глеб отреагировал на это замечание лишь тем, что снова откинулся в кресле и с небрежной ухмылкой непогрешимого профессионала нырнул в правый ряд.

Обгонял парень лихо, подрезал нахально, и сейчас это сыграло с ним злую шутку. Он резко обошел черную «Ауди», водитель которой не притормозил, как на то рассчитывал Глеб. Послышался шум, с каким соприкоснулись машины.

- Вот козел! - возмутился Глеб.

Удар не был сильным. «Порше» остался на ходу, более того, прибавил скорости. Но черный автомобиль повис у него на хвосте.

Василису охватило предчувствие надвигающейся катастрофы. Она даже представила себе, как лежит на асфальте, размазанная по нему.

- Ты что делаешь? - Девушка больно ущипнула Глеба за руку. - Тормози!

- Да нормально все!

- Останови машину! - резко сказала она и заткнула пальцами уши, как будто хотела закричать.

Глеб повел плечом, собираясь повернуть к ней голову, но не смог оторвать взгляд от дороги.

Он съехал на обочину и встал. «Ауди» уже затормозила рядом.

Из машины вышли два парня, один рослый, ширококостный, другой пониже, но крепко накачанный. Оба очень даже внушительные на вид, но если высокий парень мог расположить к себе внешностью, то коренастый - вряд ли. Слишком уж уродливым казалось его лицо.

Рослый молодой человек тоже далек был от идеала, черты лица грубые, жесткие, но ироничная улыбка освещала его, казалось, изнутри. Даже глаза его от этого сияли, как маяки во мраке надвигающегося урагана. Хотя, казалось бы, светиться они должны были, как вспышки молний, которые не спасают, а

убивают.

Вышел из машины и Глеб. Движения его были вроде бы и стремительные, но какие-то внутренне заторможенные. Сейчас он мог надеяться только на свой статус, обозначенный наличием имиджевой тачки да фирменной кожаной курточки с подвернутым правым рукавом, чтобы видны были дорожные часы.

Рослого парня ничуть не напугала напускная крутость этого мальчика-мажора. Он смотрел на Глеба, как бильярдист – на откатывающийся шар, готов был стукнуть по нему, когда он остановится, но при этом не замахивался, не разгонялся для удара. На нем тоже была кожаная куртка, вроде бы и не брендовая, но качества отменного. А на шее блестела весьма увесистая золотая цепь.

– Зачем ты убегал, малыш? – спросил он, глядя на Глеба с иронией палача.

Мол, рассмешил меня этот висельник, даже стало жаль его убивать, но работа есть работа. Ничего не поделаешь, приговор нужно приводить в исполнение.

Василиса заворуженно смотрела на бандита. А кто это еще мог быть? Обычные парни так нагло, по-хозяйски себя не ведут.

Она стояла у открытой дверцы машины, готовая в любой момент юркнуть в нее.

– Притормозить надо было. – Глеб старался держать хвост пистолетом, но голос его сорвался от волнения, и он дал петуха.

Коренастый парень усмехнулся, презрительно глянул на него.

– Вот мы тебя и притормозили, – заявил его рослый приятель и посмотрел на Василису краем глаза, совершенно равнодушно, как на пустое место.

Но и на бампер «Ауди» он глянул примерно с той же безучастностью. Как будто это была чужая машина, и он за нее не отвечал. Или просто потертость на пластиковом бампере не портила общей картины. Тачка не новая, краска тусклая, местами царапины. Одним дефектом больше, одним меньше.

- Да тут у вас совсем ничего, - сказал Глеб.

- Ничего - это все, что меньше сотни баксов. А ты нам тут на штуку набил.

- На сколько?

- Я тебя сейчас ударю. - Рослый парень сказал это спокойно, но Глеба проняло, он вжал голову в плечи.

Василисе тоже стало не по себе. Как будто этот бандит мог не просто ударить Глеба, но еще и взорваться при этом, уничтожить вокруг себя все в радиусе ста метров.

- Глеб заплатит, - сказала Василиса.

- Ну, в принципе я подрезал... - начал было тот.

- За это убивают, - все тем же безмятежным тоном выдал рослый парень, перебив его.

Тут Глеб окончательно спал с лица. Василиса тоже поверила бандиту. Ей казалось, что он вот-вот сунет руку за борт куртки и вынет из-за пояса пистолет.

- Но с тебя всего штука.

- У меня с собой нет.

- Позвони, пусть подвезут.

- Я могу съездить. Тут в общем-то недалеко.

Рослый парень кивнул, соглашаясь отпустить Глеба, медленно повернул голову к Василисе, неторопливо подошел к ней. Его внутреннему спокойствию можно было позавидовать.

Он сохранял жесткое выражение лица, но голос его прозвучал мягко:

– Матвей.

Василиса растерялась. Слова застряли в пересохшем горле.

Она кашлянула в кулак, прежде чем представиться в ответ:

– Василиса.

– Останешься со мной? – Матвей смотрел на нее с иронией самоуверенного человека, не привыкшего получать отказ.

– Как это с тобой? – Ее голос дрогнул от волнения.

Ей казалось, что в самом низу ее живота разлилась вязкая патока, на которую тут же слетелись осы со щекотными крыльями. Василиса внутренне сжалась в ожидании укусов. Но вдруг это будет совсем не больно?

– Побудем вместе, пока щегол за деньгами съездит, – заявил Матвей.

От волнения у Василисы перехватило дыхание.

– Эй, мы так не договаривались! – пискнул Глеб.

– Антоха! – Матвей выразительно посмотрел на своего спутника.

В ответ тот глянул на него с вопросом, обращенным к самому себе. Дескать, а должен ли я что-то для кого-то делать? Но заминка эта длилась не более мгновения. Антоха повел плечами, как будто разминая их перед ударом, и пошел на Глеба. Тот испугался и нырнул в машину.

Василиса еще только закрывала за собой дверцу, когда он сорвал «Порше» с места. Девушка стояла на обочине и в замешательстве смотрела на разгоняющуюся машину. Вот и думай, то ли Глеб ее бросил, то ли она сама не захотела ехать с ним. Матвей не держал ее за руку. Он всего лишь предложил ей остаться. Она это сделала. Добровольно.

Но ведь он мог схватить ее за волосы, попробуй она сесть в машину к Глебу. Василиса осторожно посмотрела на Матвея. Парень беззлобно улыбался, излучал спокойное самодовольство. Жесткий он, но не жестокий. Нет, не стал бы он хватать ее за волосы. Наверное.

Он смотрел на нее, как художник на свою натурщицу, помогал раздеваться. Матвей снимал с нее одежду лишь мысленно, исключительно во славу высокого искусства. Правда, почувствовала она себя голой натурально, если покраснела, то не только от стыда, но и от тайного удовольствия.

Еще Василиса испытывала желание провалиться сквозь землю. Матвей одним только своим присутствием разжигал в ней женщину, от которой нужно было бежать как от огня.

– А ты красивая, – сказал он.

– Иди ты!.. – В ее голосе было больше кокетства и жеманности, чем возмущения и негодования.

Василиса скривилась от неприязни к самой себе.

– Куда поедем? – спросил Матвей и глянул влево, затем вправо.

С одной стороны машины надвигаются, в другую удаляются. Шумно, беспокойно. Даже тревожно.

– А как же Глеб? – осведомилась она.

– Ты думаешь, это что сюда приедет? – любопытно спросил он и поморщился.

– Почему это не приедет? А как же я?

– Он тебе что-нибудь сказал на прощание? Жди меня, и я вернусь?.. Антоха, ты слышал?

– Сбежал, как крыса, – презрительно бросил коренастый парень.

Увы, но Глеб действительно ничего не сказал, уезжая. А мог бы и словом Василису приободрить.

– За штуку зелени тебя продал. – Матвей смотрел на нее с улыбкой, вежливо предлагал принять суровую правду жизни.

Глеб только казался хорошим мальчиком, а как только припекло, превратился в жалкое ничтожество.

– И что теперь? – с опаской спросила Василиса.

Матвей коварно усмехнулся. Дескать, неужели ты ничего не поняла? Глеб оставил тебя в залог, но выкупа не будет.

Это значило, что она переходит в собственность Матвея, становится игрушкой в его руках. Он обещал ее не обижать. Это утешало девушку, но не очень. Василиса вовсе не хотела быть его рабыней, даже если он ей и нравился. Чутьочку, но все-таки.

Она приготовилась услышать приговор.

– Если хочешь, я отвезу тебя домой, – сказал Матвей.

– Домой? К кому?

– У тебя нет дома? – Он провел пальцами по ее стильной сумочке.

Откуда у нее столь дорогой аксессуар? Глеб подарил или родители? Если последнее, то бездомной она точно быть не может.

Василиса напряглась в приятном испуге. Вдруг Матвей проведет рукой и по ее платью так, что по коже побегут мурашки? А еще он мог обнять ее, если считал мажорной потаскушкой.

– У родителей дом.

Была у них еще и квартира в центре Москвы, на Воздвиженке, но говорить об этом ни в коем разе не стоило. У бандитов свой, особый интерес к успешным бизнесменам. Тот же Матвей мог жестоко наехать на ее отца. У того, конечно, есть крыша, но это не панацея. От пули она не защитит. Все может случиться быстро, раз и навсегда.

- А дом где? - спросил Матвей.

- За городом, - промямлила Василиса.

Отец построил дом в престижном месте, в районе Рублево-Успенского шоссе. Если Василиса скажет адрес, то Матвей все поймет.

- Ты меня боишься? - Он смотрел на нее мягко, но прямо в глаза.

- Я?.. Нет!

- Боишься. Поехали. Мы подбросим тебя к метро, а дальше сама доберешься. - Матвей открыл заднюю дверцу, жестом пригласил девушку занять место.

Василиса почувствовала себя ребенком, которому пообещали длинную страшную сказку, а она оказалась короткой. Да и не очень страшной.

Матвей закрыл за ней дверцу, сел за руль, достал из кармана пачку сигарет, но закуривать не спешил. Он вставил ключ в замок зажигания, однако не торопился заводить машину.

- Или останемся? - спросил Матвей, в раздумье глядя на Антона.

- Штука баксов на дороге не валяется, - проговорил тот и пожал плечами.

- Василиса, ты ведь подумаешь, что мы струсили, да? Кто у Глеба отец?

- Банкир.

Василиса просто не могла не знать родителей Глеба. Семен Александрович Рубахов был компаньоном ее отца. Они вместе начинали с нуля, вдвоем пришли к успеху.

- Банкиры сейчас на подъеме, - в раздумье произнес Антон.

- Они всегда были на подъеме, - сказал Матвей и качнул головой.

- У них там сейчас такие заморочки. Ну их.

- А штукать? - спросил Матвей.

Василиса усмехнулась, глядя ему в затылок. Он не смотрел на нее даже в зеркало заднего вида, может, потому и перестал подавлять своей внушительной энергетикой. Брожение внизу живота успокоилось. Девушке стало легче дышать. Да не такой уж он и крутой, этот Матвей, если с банкиром связываться боится. Возможно, его пугал и отец Василисы, потому он и не стал обращать ее в рабство.

- Да там ремонта на сто баксов.

- А дело принципа?

- Отвезите меня домой, - попросила Василиса.

- Не сейчас. - Матвей порывисто вынул ключ из замка зажигания, как будто уходил от искушения уехать, потом все-таки достал сигарету, закурил.

Василиса вздохнула. Когда-то они жили на маленькой съемной квартире, и все у них в семье ладилось. Отец работал обычным инженером, вечером приходил домой, ужинал и курил в открытую форточку. Не сказать, что Василисе нравился табачный дым, но этот запах ассоциировался у нее с тихим семейным счастьем родителей.

Отец уже тогда пробовал себя на ниве коммерции, сначала фарцевал потихоньку, а после того, как спелся с Рубаховым, разошелся, не остановившись. В девяностом году они основали совместное советско-американское предприятие,

разжились лицензией на проведение внешнеторговых операций. На Запад – сырье, из Америки – компьютеры, из Европы – бытовую технику.

На этом горбу компаньоны въехали в рай и основали свой собственный банк с внешнеторговым уклоном, но с инвестициями во внутреннюю экономику. В прошлом, девяносто шестом, году они провернули несколько очень удачных сделок через какие-то залоговые аукционы. В их активе появились металлургические заводы.

От успехов у отца возникло головокружение, не смог он устоять перед искушением, загулял, дома появлялся все реже, пока вовсе не пропал. Работа, мол, продыху не дает, в кабинете приходится ночевать. Но мама ему не верила и по ночам плакала в подушку.

Матвей успел выкурить две сигареты к тому времени, когда появился Глеб. Он подъехал на своем «Порше», за которым катил черный шестисотый «мерин».

Из него вышли трое качков, один в малиновом пиджаке, двое в черных. Здоровые лбы, лица каменные, глаза ледяные. Громилу в малиновом пиджаке Василиса видела не так давно рядом с Рубаховым-старшим. Она еще тогда обратила внимание на шрам, уродующий правое ухо телохранителя.

– Сиди здесь, – сказал Матвей, открывая дверцу.

Он обращался к Василисе, но в машине остался и Антон. Что-то не хотелось ему выходить на мужской разговор.

Василиса могла покинуть машину запросто. Матвей ей не указ. Но девушке стало интересно, как поведет себя Антон. Такой внушительный на вид, крутой, а мочевого пузыря наверняка сжался от страха. Как бы он на сиденье не напрудил.

Зато Матвей держался молодцом. Сейчас он, конечно же, вибрировал изнутри от сильного внутреннего напряжения, но Василиса не чувствовала этого. Страх был, но Матвей крепко держал его на коротком поводке.

Он остановился перед капотом своей машины. Корноухий фрукт расположился перед ним, его спутники – справа и слева. От каждого веяло опасностью, а от всех троих – смертью. Василисе стало страшно за Матвея, зато Антону хоть бы хны.

– А ты чего сидишь? – не выдержала она.

– Так он сказал в машине быть.

– Мне он сказал!

Антон открыл дверцу как-то робко, но из машины вышел резко. Заставил себя собраться с духом, даже кулаки сжал.

– А я будто не знаю, чего вы подъехали? – донеслось до Василисы через открывшуюся дверцу.

Матвей говорил жестко, с насмешкой, голос у него не дрожал. Может, потому на лице корноухого типа проклюнулись признаки растерянности. Он хотел ударить Матвея, но не решался.

Зато его спутник пришел в движение, среагировал на появление Антона, ударил его ногой в живот. Тот вовремя отскочил, но натолкнулся на Глеба, который кувыркнулся в траву за обочиной.

В другой момент Василиса засмеялась бы, но сейчас ей было не до веселья.

Корноухий тип поймал взглядом Глеба. В тот же миг Матвей ударил его головой и тут же пригнулся, пропуская над собой кулак, прилетевший слева.

Телохранитель в малиновом пиджаке упал, но тут же стал подниматься. Матвей отбивался от одного его спутника, Антон уже вовсю дрался с другим.

Корноухий тип ударил Матвея кулаком в голову. Глеб подло пнул ногой Антона, когда тот упал, пропустив убойный удар.

Досталось и Матвею. Били его со страшной силой. Он каким-то чудом оставался на ногах и сам отпускал удары с той же сокрушительной мощью.

Антон разозлился не на шутку. Он уже поднялся с земли и бился как лев. Но ему не хватало силы одолеть противника. Да еще и Глеб набрасывался на него как шакал, все норовил ударить в спину.

Пора было заканчивать этот кошмар. И Василиса знала, как это сделать. Если, конечно, не ошибалась.

Она выскочила из машины, схватила Глеба за руку и заявила:

– Поехали!

– Да ты что! – Он с жадностью смотрел Антону в спину.

– Поехали, я сказала! – Девушка больно ущипнула его за плечо, но в чувство не привела.

Это сделал за нее Матвей. Он каким-то непостижимым образом умудрился швырнуть на землю одного телохранителя и сбить с ног другого. Это позволило ему прийти на помощь Антону. Значит, достаться могло и Глебу.

– Да, поехали! – заявил он.

Корноухий тип довольно быстро восстановил статус-кво и вместе со своим дружкой снова набросился на Матвея. Но при этом он совсем не прочь был отступить.

– Свиту свою заведи! – открывая дверцу, сказала Василиса, но в машину садиться не торопилась.

В драке снова возникла пауза, на этот раз некому было подниматься с земли. Высокие договаривающиеся стороны просто переводили дух перед очередным столкновением.

Василиса посмотрела на Матвея и поймала его взгляд. Он качнул головой, как будто отговаривал ее уезжать.

– Артур! – крикнул Глеб.

Корноухий тип бросил взгляд на него, на Василису, сплюнул Матвею под ноги и повернул к своей машине.

Но Матвей почему-то не думал его отпускать. Он снова бросился в драку, но карусель не закрутилась. Браток в малиновом пиджаке дрогнул и закрылся в «Мерседесе».

Василиса в это время уже находилась в «Порше». Глеб жал на газ, набирая ход.

Чтобы вернуться к Матвею, нужно было выскочить на ходу. Но Василиса на это не решилась. Может, зря?

Глава 2

Нос всмятку, недавно вставленный зуб выбит, губа рассечена, на скуле шишка, возможно, перелом челюсти. Да и Антоха выглядел несколько не лучше.

– С какого хрена на меня свалилась вся эта радость? – зло спросил он, осторожно трогая вздутие на переносице.

– Не знаю. Мне нравится, – с усмешкой проговорил Матвей.

Антоха – натуральный бандит, причем с трехлетним стажем. Он и на стрелках махался от всей души, и на ринге не боялся отхватывать, а сегодня вдруг струхнул.

– Телка эта?

– Нет, драться нравится.

Но еще больше Матвею нравилось побеждать. Для этого он в общем-то и дрался. Опыт у него был достаточно большой. Сказывалось трудное детство, деревянные игрушки. В школе отношения выяснял, на дискотеках толпой на толпу сходились, боксом всерьез занимался, в самбо себя пробовал.

Особенно Матвей в армии хлебнул. Он в спецназе служил, там сапогами в морду вполне законно били, на прочность проверяли, да и вообще. Столько злости тогда накопилось. Если бы их в Чечню отправили, то они всех там порвали бы. Но не судьба. Матвей уже дембельнулся, когда там кровавая каша заварилась.

С кавказцами он уже здесь схлестнулся. Поселковым пацанам даже пострелять немного пришлось. Не победили, правда, но и не проиграли.

– А две штуки от нас уехали. Одна в баксах, другая в платье, – сказал Антоха и потрогал правый верхний клык, проверяя его на прочность.

Похоже, тот шатался. Жаль, конечно, что так вышло. Но Матвей просто не мог отступить, не в его это правилах. А штука баксов... Он же не бандит, как некоторые, за легкой добычей не гонится. Просто захотелось ему мажора опустить, чтобы вел себя на дорогах поскромней. А то разъездили на крутой тачке с отпадной девочкой.

– Там не штука, а целое состояние, – вроде бы и в шутку, но больше всерьез сказал Матвей.

Не вопрос, Василиса произвела на него примерно такое же впечатление, как нож в сердце. Еще и часа не прошло, как она уехала, а он уже забыл, какого цвета у нее волосы. А вот глаза намертво впечатались в память.

Матвей вел машину, смотрел на дорогу, а видел перед собой Василису. Красивые у нее глаза, необычные. Да еще и эта волнующая линия, связывающая надбровье и нос. Сколько в ней магии!

Какого цвета волосы, вспомнить нетрудно. Василиса стояла перед глазами, смотрела на него, перед тем как сесть в машину, как будто о чем-то спрашивала. Волосы у нее светлые. А платье темное. Смотрелась она в нем эффектно и ой как сексуально.

- Это ты о чем?

- Это я о ком, Антоха, - ответил Матвей и осторожно потрогал свой нос.

Хорошо ему въехали, плотно. Хрящ сломан, вправлять надо. Да и челюсть осмотреть не помешало бы.

- Это ты о той телочке?

- Она не телочка, Антоха. Ее Василиса зовут. А к телочкам, Антоха, мы сейчас заглянем.

- К Любке?

- Тебе там ничего посмотреть не надо?

- Есть одно место. Знаешь, кто мне промеж ног зарядил? Щегол этот мажорный! Сзади зашел.

- Сзади?.. - Матвей усмехнулся. - Я этого не слышал, брат. И ты никому не говори.

- Ничего, я эту падлу выловлю!

- Меня с собой возьмешь?

Антоха этот вопрос услышал, но промолчал.

Матвей с иронией глянул на него. Погорячился парень с досады, в пустоту пригрозил. Не поедет он искать мажора. Так ведь и огрести можно будет, а ему сегодня и без того с добавкой отсыпали, до сих пор не пережевал.

Да и Матвей не станет искать золотого мальчика с его чудесной девочкой. Вынет нож из сердца и будет жить себе дальше.

Кольцевая осталась за спиной. Дорога была свободная. До Репнево они добрались всего минут за двадцать.

Матвей свернул вправо на самом въезде в поселок, выкатился на улицу, где прошли его детство, юность. Окраина, старые двухэтажные дома, куры во дворах, сломанные качели, гаражи, сразу за которыми начинался лес. Здесь жили его мама и друзья, но еще рано было показываться им на глаза.

На перекрестке у фанерного ларька стояла компания. Левка Брындин в зеленых джинсах, Мишка Лепехин – в коричневых. Девчонки с ними, такие же малолетки, одна курила, другая семечки лузгала. А Левка бисер перед ними метал, увидел машину, небрежно сдвинулся с обочины, неторопливо перегородил дорогу.

Свою тачку Матвей приобрел на днях. Она еще не успела примелькаться, а стекла затемненные, не видно, кто внутри.

Матвей остановился, сунул руку под сиденье, достал оттуда гранату. Лимонка даже не учебная, дешевый муляж с барахолки. Она весила как резиновый мячик для хоккея. Ее на лету ветром сдуть могло. Но Левка шуганулся, дернулся, отскочил.

Матвея, помнится, тоже так разыграли, когда он из армии вернулся. Братва тогда всерьез на ноги встала, и гранаты появились, и автоматы, а Чистику еще в детстве башку отбили, его и без патронов частенько клинило.

Он-то и бросил Матвею под ноги учебную гранату. От страха у него даже уши заложило. А может, просто соображалка отказала.

У боевой гранаты сначала шумно срабатывает запал, а потом уже происходит взрыв, но Матвей как-то не подумал тогда об этом. Душа ушла в пятки, но с места он не тронулся и даже глазом, кажется, не моргнул. Не мог воин-десантник ударить в грязь лицом перед пацанами.

Тогда его похвалил сам Верес. Матвея он по плечу похлопал, а Чистику в печень пробил. Этот придурок мог все перепутать и запустить в Матвея не учебной гранатой, а боевой. А за него Верес мог и убить. Как-никак родные братья.

Матвея воспитывала улица. Он был своим пацаном в бригаде брата, однажды даже участвовал в крутой разборке со стрельбой, но к блатной романтике не тянулся. Да и мама запретила брату втягивать Матвея в свои дела. К тому же Юра и сам не хотел рисковать его жизнью. Тем более что на него надвигались грозные тучи, причем с двух сторон. А может, и с трех.

Верес взял под контроль новое казино в Москве. Сначала на него наехали воры, затем бандиты, чуть погодя подключились руповцы с такими же шкурными интересами.

Столкновение грозных фронтов порождает молнию, и гром грянул. Юру застрелили в прошлом году. Никто даже и не понял, воры тут при делах или солнцевские. Возможно, это сделали менты. Матвей не знал, кому мстить, а ведь в тот момент он реально готов был идти на ножи и в бой рвался не напоказ.

Братву возглавил Пухнар, но ему не хватило ни авторитета, ни мозгов, чтобы удержать лакомые куски в Москве, а в Репнево ловить было нечего. Менты почуяли слабинку, начались аресты. Под раздачу попал даже Матвей. Стражи правопорядка пытались пришить ему чужое дело, почти месяц он провел в следственном изоляторе. Но ничего, обошлось.

Сейчас от бригады остались только название и горстка орлов, промышлявших на больших дорогах. Они трясли дальнобойщиков, снимали бабки с проституток, разводили лохов, в общем, работали по мелочи.

Матвея эта мышиная возня не интересовала. Он, как и раньше, оставался не при делах, но тот же Антоха принимал его за своего. Он даже помог ему сегодня отогнать от его торговой точки недоносков, возомнивших себя крутыми бандитами.

Матвей подъехал к ларьку, остановился, опустил затемненное стекло и посмотрел на Левку. Его ничуть не смущал собственный распухший нос. В Репнево даже подбитый глаз считался символом доблести, если эта награда была заслужена в честном бою.

Левка поздоровался с ним небрежным кивком. Мишка Лепехин поступил точно так же.

– Чего вы тут стоите? – спросил Матвей и показал на ларек, в котором работала нанятая им Варвара.

В Репнево у него было три таких ларька, а в Москве – четыре. Но там, в столице, торговля шла в людных местах, деньги крутились со скоростью секундной стрелки. Здесь дела ползли так же медленно, как солнце по небосклону.

В Москве на ларьки наезжала братва, иногда серьезная, но в основном шпана. Может, и у Левки зачесалось на легкую поживу. Машинам он уже научился дорогу перекрывать, может, решил, что пора на ларечный рэкет переключаться.

– Да так просто.

– Ну тогда гуляйте. Гранату подбери, Варваре отдай. – Матвей кивнул на ларек. – Можешь у нее купить. За полцены. На память.

Сам он к Варваре не пошел, решил, что потом как-нибудь о делах справится, когда нос выправит.

Это могла сделать Любка с параллельной улицы. Она жила в частном доме, причем одна, без родителей. Дом этот уже давно превратился в проходной двор. Пропуск принимался в двух вариантах: бутылка или косяк с травкой. Но это если просто посидеть, а если полежать, то одной контрамаркой не отделаешься.

Матвея Любка могла принять и без пропуска, но все же он прихватил с собой пару бутылок для себя и Антохи. В багажнике у него как раз находился целый ящик с контрафактным, но вполне безопасным спиртом «Абсолют». Там же лежала коробка с видеокассетами, но порно его сейчас мало интересовало.

Не так давно Любка работала в больнице медсестрой, но попала в историю с морфием. Уголовное дело менты возбуждать не стали, а с должности ее попросили.

Увидев Матвея, Любка пьяно улыбнулась, шатко подошла к нему, обдала свежим сивушным запахом и повисла у него на шее.

– Юрка!

Закладывала она не по-детски, причем не первый год, но вид у нее был вовсе не спившийся, да и не опущенный, хотя переспать с ней мог всякий, только плати. От нее пахло и самогоном, и дешевыми духами, а на шее у Матвея мог остаться след от губной помады.

– Не прикидывайся, – заявил он.

Когда-то Любка гуляла с его братом и по пьяному делу действительно могла спутать Матвея с Юрой. Но сейчас она притворялась. Он почти уверен был в том. Не такая уж эта особа и пьяная, какой хотела казаться.

Впрочем, она могла быть и под кайфом. Коноплей от нее не пахло, но ведь Любка и уколоться могла.

Она отстранилась от него, попыталась сфокусировать на нем взгляд.

– Матвей?

– Тебе нравится мой нос?

– Твой нос. – Она перевела взгляд на Антоху. – А чего вы ко мне с такими рожами приперлись?

– Мы тебе грудь поднимем, а ты мне нос вправишь. – Матвей приложил одну бутылку к ее правому боку, другую – к левому и подкатил их под самую грудь.

У Любки не было детей, она еще не разменяла четвертый десяток, но ее третий размер уже порядком обвис, видимо, от частых вечерних доек.

– Только нос? – спросила она.

– Мне не только нос, – ответил Антоха. – Мне больше.

– Это у тебя-то больше?

Нос у Матвея разболелся не на шутку. С этим нужно было что-то делать. Он обнял Любку за талию и втолкнул в дверь, в светлицу. А там, как обычно, компания. Какие-то незнакомые парни и Лилька.

Девушка сидела на диване. Видны были только ее голые ключицы и верхний срез блузки под ними. Но, не стоило сомневаться в том, юбка на ней короткая. Мини – это ее фирменный стиль. Минимум юбки и бикини, столько же в голове.

Смазливая мордашка, точеная фигурка, ножки – взгляд не оторвать. И в постели она горячая штучка.

Матвей одно время даже был влюблен в эту девицу. Он очень расстроился, узнав о ее планах на одного московского старпера из высотки, стоявшей на Софийской набережной. Лилька всерьез собиралась жить с профессором в его роскошной квартире, а к нему просто подскакивать на горячее. В итоге Матвей ее послал, причем в нецензурной форме. Она обиделась и больше не появлялась на его горизонте. Даже полгода с тех пор не прошло, а он уже и думать о ней забыл. Значит, не было сильных чувств, просто гормоны играли в любовь.

– Матвей! – Лилька просияла и вышла из-за стола.

Короткая юбка при этом задралась, но ей даже не пришло в голову оправить ее. Не прижился в ней этот инстинкт, столь естественный для женщины. Может, надобности в этом не было. Задралось так задралось, уложат так уложат. Ну и так далее.

Все самое интересное на сегодня у Лильки было еще впереди. Женихи уже наготове. Она наверняка уже решила, с кем разделит на ночь свою судьбу. Пьяная женщина такой судьбе не хозяйка, а Лилька уже была навеселе.

Она бросила на Любку взгляд, полный удивления и благодарности. Как будто ждала чуда завтра, а оно вдруг приключилось сегодня, по милости подружки-алкоголички.

– Я же говорила тебе, что никуда он от нас не денется.

– Что это такое? – Лилька порхнула к Матвею, осторожно коснулась пальчиками его носа.

Маникюр у нее свежий, лак такой же яркий, как помада на губах. Чистенькая она, опрятная, душистая, но это снаружи, а внутри – грязь. Иначе бы она не оказалась в этом вертепе с двумя какими-то недоделками.

Матвей с неприязнью глянул на Любкиных гостей. Неряшливые, в каких-то обносках, но губы на Лильку раскатали. Она же неразборчивая, ей хоть с молодым, хоть со старым, лишь бы стояло. Не мог он смотреть на нее без отвращения.

Антоха подошел к парню с белыми пятнами на шее, тяжело положил руку ему на плечо и заявил:

– Ну и чего сидим? Расходимся!

– Пусть уходят, – сказала Лилька, нежными движениями ощупывая сломанный нос Матвея.

Вдруг она вставила в ноздрю палец одной руки, а другой резко надавила на спинку носа, соединяя обломки костей. Боль прострелила голову разрывной пулей, но Матвей даже не шелохнулся.

Лилька знала, что делала. Она тоже когда-то работала медсестрой, окончила училище, устроилась в больницу. Надолго ее не хватило, но с Любкой познакомиться успела. А потом и с Матвеем.

Из носа хлынула кровь.

Любка открыла ящик серванта, достала оттуда вату, свернула ее в тампон, подала Лильке. Тут же появился и второй тампон.

От боли у Матвея закружилась голова. Подружки усадили его на диван.

– Анестезию забыли! – откуда-то издалека донесся Любкин голос.

Звук водки, льющейся в стакан, растекся над самым ухом Матвея. Он выпил до дна, и Лилька сунула ему в рот кусочек сыра.

Одной рукой она подала парню закуску, другой ощупала шишку на скуле и сказала:

- Нормально, ни вывиха, ни перелома нет.

- Жить буду, - буркнул Матвей, закрывая глаза.

Он сидел, откинув голову на спинку дивана.

Лилька прижалась щекой к его груди и спросила:

- Со мной?

- Отвали!

- Я хорошая, - мурлыкнула она с капризной интонацией в голосе.

- С кем мне отсюда отвалить?

- Ты же знаешь, что я из-за тебя здесь.

- Не знаю.

- Любка ничего тебе не говорила?

- Про тебя? Нет. Я к ней с носом приехал.

- А здесь я! Матвей, это судьба!

- Я же сказал, отвали!

- Это у тебя шок, сейчас мы его снимем.

Лилька снова наполнила стакан. На этот раз Матвей не стал осушать его, но капель пятьдесят на грудь все-таки принял. Потом еще раз и еще.

Он пил, пока не увидел Василису. Девушка с распущенными волосами стояла перед ним. То ли она сама покачивалась, то ли это колыхался дымчатый ореол вокруг нее. Ему явилась галлюцинация. Он понимал это даже пьяным умом и почему-то накрыл стакан рукой.

Но Василиса не исчезала. Она взяла его за руку, куда-то повела. Вдруг он почувствовал под собой что-то горячее, влажное, тесное и сдавленно скользящее. Только вот извивалась под ним не Василиса, а Лилька.

С ней он и проснулся утром, в грязной комнате, на расшатанной кровати с продавленным матрасом. В окно сквозь толстый слой пыли светило утреннее солнце. На кровати, на чистом, но неглаженном белье на боку лежала и смотрела на него обнаженная натура. Одной рукой Лилька поддерживала голову, а пальцами другой задумчиво теребила сосок. По ее ноге, по всей длине бедра метались солнечные зайчики.

– Я тебе снюсь, – пошутила она.

Матвей просто обязан был сострить в ответ.

– Мне снится кошмар, – сказал он.

– Кошмар был без тебя. Очень хорошо, что я это вовремя поняла!

– Вовремя? – Матвей с удивлением глянул на нее.

Лилька гладила себя по бедру, как будто зайчиков прогоняла. Ей бы сейчас в белочку превратиться и ускакать отсюда. Безвозвратно.

– Мы еще молодые, у нас все впереди.

– У нас?

- Да, я повела себя неправильно, ошиблась. Мы должны вместе исправить это.

- Ты ошибка природы.

- Зато ты правильный. А плюс на минус дает плюс!

Матвей небрежно усмехнулся, глядя на Лильку. Язык у нее – настоящее помело. Как у всякой ведьмы.

- Вообще-то минус.

- А у нас будет плюс.

- Изыди!

- Ты смотришь на меня так, как будто я грешница какая-то, – сказала она и надулась.

- А ты не грешница?

Лилька думала недолго.

- Грешница, – проговорила она, растягивая губы в загадочной улыбке. – Да еще какая! – Лилька шумно легла на живот, провела языком по его шее, а рукой – по бедру.

Губы ее спускались вниз, а рука поднималась вверх. Нетрудно было догадаться, в каком месте они встретятся.

Матвей закрыл глаза, настраиваясь на взрывное удовольствие. Василиса еще волновала его воображение, но когда-нибудь выветрится из головы. К тому же она была где-то далеко, а Лилька – очень близко. Он чувствовал, какая она горячая.

Глава 3

Коктейль разогрел кровь, клубная музыка ее вспенила, а скорость – разогнала. Глеб летел через ночь как угорелый. Он подвез Василису к воротам ее дома, тут блажь и ударила ей в голову. Девчонке вдруг очень уж захотелось чего-нибудь естественного, но безобразного. От стыда за себя Василиса резко сдвинула ноги.

Глеб еще мальчик и по возрасту, и по развитию, и по своему поведению. Но чутье он проявил мужское, уловил женскую слабину, перенес тело через подлокотник. Взгляд насмешливый, пристальный, масляный.

– Будем прощаться? – шелестящим голосом спросил он. – Или просто будем? Вместе.

– С тобой только просто.

Недели две прошло с тех пор, как Матвей устроил Глебу трепку, а Василиса все не могла забыть этот день. Стоило ей закрыть глаза, как появлялся Матвей.

Когда она смотрела на Глеба, ей тут же вспоминался шакал Табаки, прыгающий вокруг Шерхана. Не могла она после этого воспринимать всерьез этого подловатого недоноска. Влюбиться в него не боялась, потому и отправилась с ним сегодня в клуб.

Тем более что повод имелся. Василису зачислили в институт. Приказ, правда, еще не подписан, но все решено уже окончательно. Осечек быть не может.

– А если усложнить? – Глеб положил руку ей на коленку.

Василису должно было стошнить от этого его прикосновения, но в голове у нее бурлила кровь, а там, в самом низу живота, опять поднималась кричащая волна.

– Усложнялка у тебя не выросла.

– Выросла!

- Засунь ее себе в портфель.

- Не себе! - заявил Глеб.

Он смог растолкать рукой ее колени. Его пальцы медленно скреблись по внешней стороне бедра, поднимались все выше. Только вот тепла в этих пальцах не было. Как будто мокрый краб полз по ноге. Но он ведь не укусит. Ей даже будет приятно и стыдно.

Василиса качнула головой, сжала ноги. Глеб - жалкий сосунок. Он этого недостоин, не имеет права трогать ее. Если мальчонка этого не понимает, то она ему объяснит.

- А сможешь?

- Я не смогу?

- Опять телохранителей на помощь позовешь? - съязвила она.

Глеб дернулся, как будто через него прошел электроток, и руку выдернул.

- Может, хватит уже? - буркнул он и скривился.

- Мне тоже за тебя стыдно!

- Я, между прочим, тебя спасал!

- Давай теперь спасай сам себя! - сказала она, открывая дверцу машины. - Тебе какой рукой больше нравится?

Глеб ничего не сказал, а ведь хотел бросить вслед ей что-нибудь обидное. Василиса спиной почувствовала это.

Мама встретила ее на террасе.

- Тихо! – шепнула она и приложила палец к губам. – Отец спит.

Мама опустила палец, а губы ее растянулись в экзальтированной улыбке.

Улыбнулась и Василиса, но саркастически. Как же, отец назначил маму любимой женой, радости-то сколько! Целый месяц пропадал, ни слуху ни духу, и вдруг объявился. Третий день из дома не выходит, мама надышаться на него не может.

- Трезвый? – спросила Василиса.

- Ну, выпил немного, – ответила мама и вздохнула, не желая расставаться со своей иллюзией счастья.

- Немного, как же. Его сейчас из пушки не разбудишь.

- Кушать будешь? – спросила мама.

- А почему так долго?

Именно этот вопрос мама и должна была задать. Она отпустила Василису до двенадцати, а шел уже второй час ночи. Но, видимо, сейчас у нее один отец был на уме, а дочь оставалась на заднем плане.

- Да, почему так долго?

- Мама, поверь, я была очень хорошей девочкой!

Василиса нежно обняла маму за плечи, повела в дом. Прохладно на дворе, ветер свежий, а она в одном халате.

- Кушать будешь?

- Если не буду кушать, значит, и душ можно не принимать?

Василиса хотела спать. Не успела она переступить порог, а глаза уже закрывались. Поздняя ночь, да и Глеб ее утомил. Его хорошо использовать в качестве снотворного, на большее он не годится.

Но душ она все-таки приняла, смогла затолкать себя в ванную. Даже волосы наспех высушила, а то утром не расчешешь.

Василиса легла в постель, закрыла глаза и мысленно поблагодарила себя.

«Я держалась правильно, не позволила Глебу лишнего, поэтому могу засыпать со спокойной совестью. А вот если бы отказала Матвею, то, скорее всего, жалела бы об этом. Но Матвей и не настаивал на горячем. Не было его в моей жизни. Промелькнул он как метеор и сгорел где-то за горизонтом. Нет его и никогда не будет. Да и не нужен мне этот парень!»

Проснулась Василиса от сильного стука в дверь. Кто-то ударил по ней ногой или рукой изо всей силы толкнул. Створка распахнулась.

Василиса подняла голову и увидела крупнотелого парня с бычьей шеей. За окном уже светало, и она могла разглядеть его лицо. Покатый лоб, тяжелые надбровья, утиный нос, верхняя губа как плюшка, а нижняя как нитка.

Василиса даже не пыталась вспомнить, где могла видеть столь уродливое лицо. Этот человек был совершенно ей не знаком. Какого черта он здесь делал? Почему в руке у него был пистолет?

– Просыпайся, девочка! – Утконосый тип и картавил, и шепелявил, и гундосил одновременно.

Необыкновенное сочетание.

Но Василиса и не думала поднимать его на смех. Это могло для нее плохо кончиться.

– Ты кто такой? – вскакивая с постели, спросила она.

– Жить хочешь? – Одной рукой он схватил ее под локоть, а другой приставил к животу пистолет.

Василиса захрипела, выталкивая из себя слово «хочу», но страх сдавил ее горло.

– Тогда не рыпайся! – Он провел стволом пистолета вниз по ее животу, затем по ноге, по всей длине рубашки, как будто собирался задрать подол, но не сделал этого, просто поднял оружие и приставил к подбородку девушки. – Давай рассказывай!

– Что рассказывать? – через силу выдавила из себя Василиса.

– Где папа хранит свои денежки?

За дверь послышался шум. Там загудели ступеньки, треснули перила. Похоже, бандиты кого-то спустили с лестницы. Отца или маму. Василисе было ясно, что они хозяйничали в доме.

– В банке.

– А где банка?

Где-то неподалеку вскрикнула мама. Послышался шлепок, как будто кто-то отпустил ей пощечину, а то и ударил кулаком. Снова что-то загрохотало на лестнице.

Василиса дернулась, но утконосый гад схватил ее за шею и с силой прижал к себе.

– Спокойно, детка! – При этом он зачем-то ударил пистолетом по светильнику, стоявшему на прикроватной тумбочке.

Послышался треск, раскололся керамический плафон.

Если бандит хотел напугать этим Василису, то зря. Она и без того тряслась от страха.

– Деньги где?

– Я же говорю, в банке. У отца он свой. – Василиса говорила, а утконосый бандит тащил ее к двери.

Он открыл дверь, выглянул в холл второго этажа.

Василиса тоже хотела знать, что там происходит. Бандит крепко держал ее за шею, но все же она извернулась, смогла бросить взгляд в холл и увидела Антона. Того самого парня, который был тогда на дороге. Значит, и Матвей где-то здесь.

Кроме Антона, в холле никого не было. Дверь в спальню родителей оказалась открыта, но та была пуста. Голос мамы донесся с первого этажа. Она что-то крикнула, и было похоже на то, что кто-то тут же заткнул ей рот.

Антон глянул на утконосого бандита и кивнул. Тот ослабил хватку на ее шее и схватил Василису за волосы. От боли она громко вскрикнула.

Бандит с силой толкнул ее на кровать. Дверь осталась открытой. Возможно, этот мерзавец приглашал Антона присоединиться к оргии. Может, он хотел, чтобы отец слышал, как насилуют его дочь.

Падая, Василиса умудрилась просунуть руку в открытый проем тумбочки. Там на полке стоял баллончик со слезоточивым газом. У бандита был пистолет, он запросто мог выстрелить в ответ, но Василиса подумала об этом уже потом, когда нажала на клапан.

Бандит в этот момент задирает подол ее ночной рубашки. Видимо, он увидел под ним что-то очень интересное, если от восторга распахнул глаза. Этот скот не смог их сразу закрыть, когда в лицо ему брызнула тугая аэрозольная струя.

– Сука! – Он закрыл физиономию обеими руками.

Василиса вскочила. Бандит успел поймать ее за край рубашки, но удержать не смог.

Рубашка с треском лопнула, огромный лоскут остался в руке у бандита. Василиса спрыгнула на пол.

А дальше что? В холле находился Антон, да и без него в доме было полно этих негодяев. Оставалось только окно, но его еще нужно открыть. Да и на подоконник пока поднимешься. Впрочем, выбора у Василисы не было.

Одной рукой она сдвинула штору, другой открыла окно, оттолкнулась, навалилась животом на подоконник, сразу за которым начиналась крыша над террасой. По ней Василиса и заструилась змейкой.

– Стой, сука! – Утконосый гад попытался схватить ее за ногу.

Но тело, скользящее по крыше, уже набрало разгон, и он смог только коснуться пальцами лодыжки девушки.

Крыша закончилась быстрее, чем Василиса ожидала. Она слетала с нее головой и руками вперед.

От ужаса из груди вырвался крик, а в голове прозвучал голос школьного физрука: «Нельзя падать на прямые руки».

Голос Василиса услышала, но руки в момент падения все-таки напрягла, чтобы не удариться головой. Ей повезло. К счастью, она врезалась не в асфальт, а в сырую землю. К тому же падение смягчил пышный пионовый куст.

Все же от боли Василиса отключилась и в себя пришла уже возле калитки. Она не понимала, как бежала на автопилоте, но ведь оказалась тут и на кнопку в замке нажала.

Он странный, электрический, дистанционный, открыть его можно было как из дома, так и со двора. И в одном случае достаточно было нажать на кнопку, и в другом. Мама говорила отцу, что это глупость. Еще он должен был установить видеокамеры и оборудовать пост охраны, но все руки не доходили. Дом новый, много чего не сделано, как надо. Потому грабители чувствовали себя здесь вольготно.

Калитка открылась, и тут же за спиной Василисы грохнул выстрел. Пуля ударилась в кирпичный столб и выбила из него колючую крошку.

- Бандиты! - крикнула Василиса, выскочив на улицу. - Убивают!

Босиком она смогла добежать до перекрестка и едва не попала под колеса иномарки, выскочившей из-за поворота.

- Спасите!

Голова у Василисы была окровавлена, на волосах и руках комья чернозема, ночная рубашка порвана.

Водитель испугался, увидев ее, но машину все же остановил и дверцы разблокировал, чтобы она могла сесть.

- Бандиты! - крикнула она.

Лохматый, заспанный мужчина дернулся и невольно отпустил педаль тормоза. Но Василиса успела запрыгнуть в машину до того, как та набрала разгон.

- Позвоните в милицию!

Мужчина кивнул, открыл перчаточный ящик, вынул оттуда тяжелый мобильник устаревшей модели, выдвинул антенну, набрал номер.

Как только на вызов ответили, Василиса вырвала у него трубку. Она должна была требовать от милиции немедленных действий. Время сейчас работало против ее родителей. А может быть, их уже поздно было спасать. От этой мысли ей хотелось кричать, но все же Василиса смогла взять себя в руки.

На работу пора собираться, а в Лильку как будто бес вселился. Сначала она пристыковалась к нему боком, стараясь не нарушать тишину наступившего утра, затем оседлала его в позе наездницы, загнала коня, уложила, дала ему немного

отдохнуть, затем снова пустилась в галоп. Сразу после финиша эта особа снова улеглась на бочок и подсунула ручки под щечку.

– Если ты пригостишь завтрак, то с меня обед и ужин, – засыпая, пробормотала она.

Скомканная простыня валялась в ногах, но Лилька и не думала укрываться. И в спальне уже с утра жарко, и свою наготу она любила выставлять напоказ, часто говорила, что молодость коротка, а красота увядает еще быстрее.

Все так, однако эти слова Лилька адресовала не только Матвею. Сколько их таких было, перед кем она красовалась голышом. И еще может быть.

Завтрак Матвей готовить не стал, на скорую руку состряпал пару бутербродов, поставил на плиту чайник.

Охмурила его Лилька, окрутила. С ее подачи он снял квартиру в Москве, поселился там вместе с ней. Скучать она ему не давала, веселила и удовлетворяла. Только вот иной раз на него накатывала жуткая тоска. Неужели Лилька – это навсегда? Волком душа от этой мысли не выла. Но бывало такое, что жалобно поскуливала.

Матвей уже расправился со вторым бутербродом, когда в дверь кто-то позвонил.

За порогом, поглядывая на лестницу, стоял Антоха. Он заметно нервничал.

– Случилось чего? – спросил Матвей и посторонился, пропуская его в дом.

И зачем он только попросил Антоху помочь ему с переездом? Будет теперь таскаться к нему по поводу и без такового.

– Случилось, – ответил Антоха, закрыл за собой дверь и зачем-то посмотрел в глазок.

– Рассказывай! – сурово потребовал Матвей.

Он решил не пропускать Антоху дальше порога, пока тот все не изложит. А там уже будет видно.

- Да проблемы у нас.

- У кого?

- Чистик это все замутил.

- Что замутил?

- Да заказ на одного карася принял. Мы к нему на хату вломились, взяли за жабры, тут проблема и нарисовалась.

- Теперь тебе нужно лечь на дно, да? - жестко спросил Матвей.

- Ну да, хотелось бы.

- Ты пришел ко мне? Подставляешь меня и Лильку. Это при том, что я не при делах.

- При делах, - заявил Антоха и качнул головой.

- Ты ничего не попутал?

- Помнишь мажора с телкой? Василиса, да?

- Василиса, - сказал Матвей, исподлобья глянул на гостя и движением головы позвал его за собой на кухню.

Лильке совсем не обязательно знать о Василисе. Да и проблемы Антона ее не касаются. Пусть спит.

- Можно? - спросил Антоха и, не дожидаясь разрешения, смахнул с тарелки бутерброд.

Но Матвей его отобрал, жестко посмотрел в глаза незваного гостя и заявил:

- Сначала говорить, потом жевать!

- Короче, Василиса меня видела.

- Где видела?

- Ну, в доме у карася. У себя. Мы ведь на ее отца наехали и на мать. Я сначала не понял, что это Василиса была.

- Что с ней?

- Да она-то сбежала. Из окна выпрыгнула. Утяк стрелять начал, Чистик на него наехал. Уходить, сказал, надо.

- А что с родителями?

- Отца мы на бабло раскручивали.

- Раскрутили?

- Да не успели. Говорю же, Василиса сбежала. Она ментов могла вызвать и меня видела.

- Узнала?

Матвей понимал, чем вся эта история может для него обернуться. Если Василиса узнала Антоху, то будет грешить и на него. Она ведь думает, что они одного поля ягоды.

- Мы без масок были.

- Без масок? - У Матвея зачесались кулаки.

Антоха фактически подставил его. Причем под убийство. Если Чистик хозяйничал в чужом доме без масок, то это значит, он не собирался оставлять хозяев в живых. Василису тоже должны были грохнуть. Тот же Антоха мог это сделать. Именно поэтому Матвею и захотелось сломать ему челюсть.

- Чистик сказал... - пробурчал Антоха.

- Велел замочить всех?

- Нет. - Антоха отвел взгляд.

- Что нет?

- Я не думал, что надо было мочить.

- А надо было?

- Я думал, мы деньги возьмем и свалим. Девка должна была заверещать, чтобы отец ее раскололся. Я Утяку знак подал, потом смотрю, а это Василиса. Сразу не догнал.

- Да ты и сейчас не догоняешь! Что с ее предками?

- Чистик...

- Замочили вы их?

- Ну да, матушку сразу. Я думал, Чистик ее просто попользует, а он ей удавку на шею. Потом отца...

- А Василиса сбежала?

- Ну да.

- Ее вы тоже должны были попользовать? - зло спросил Матвей и тут же ударил от всей души в челюсть, как и хотел.

Антоха отлетел к стене, гулко стукнулся об нее головой. Пустая она, потому и гулко получилось.

Матвей размахнулся, чтобы добить его, но Антоха пугливо закрылся руками. Матвей презрительно скривил губы, глядя на него. Обмельчала поселковая братва, до состояния мышинной стаи опустилась, потому и настало раздолье для таких ублюдков, как Чистик. Пока жив был Верес, это дерьмо болталось где-то на дне, а сейчас всплыло на поверхность. Почему Матвей не грохнул этого ублюдка еще тогда, когда тот бросил гранату ему под ноги?

Сначала бандиты задушили маму, затем и отца. Их больше нет и никогда не будет. Василиса понимала, что должна принять это как данность. Мир жесток, в нем царит насилие, смерть правит бал. Она знала это, и ей нетрудно было со смирением думать о случившемся, пока действовало успокоительное. Нервы девушки были свернуты в жгут, душа лежала где-то на третьей полке, в голове стоял туман, а перед глазами – мама.

Она подходила к дочери все ближе, и голос ее звучал все громче. Мама звала Василису обедать. Отец, дескать, уже за столом, суп с фрикадельками остывает. А готовила она вкусно. Больше не будет.

Маму отвезли в морг. Вместе с отцом. Их никогда больше не будет. От этой мысли Василисе захотелось взвыть во весь голос, но крик застрял где-то глубоко внутри. Зато из глаз ее покатились слезы.

– Василиса Константиновна, как вы себя чувствуете? – откуда-то издали спросил незнакомый мужской голос.

Слезы продолжали течь, но пелена спала с глаз. Василиса с трудом сфокусировала взгляд на пожилом мужчине с волевым лицом и жестким бобриком седых волос.

– Моя фамилия Кистенев. Я назначен следователем по делу... – Мужчина запнулся, осознав деликатность момента.

Василиса не прочь была пощадить себя, но в ней разыгралось чувство протеста.

– Эти ублюдки убили моих родителей! – выплеснула она из себя. – Вы должны их найти!

– Мы их найдем. Если вы нам поможете. – Следователь смотрел ей прямо в глаза.

– Я знаю одного, – сказала Василиса.

Лекарство все еще держало ее под гнетом, и ей пришлось напрячь память. Она рассказала Кистеневу, как Глеб подрезал «Ауди» и бандиты его за это поставили на деньги, упомянула про Антоху и Матвея, которые дрались с охраной Рубахова.

– Они еще спрашивали, кто у Глеба отец, – сказала девушка.

Матвей произвел на нее впечатление. Она даже готова была влюбиться в этого парня, иной раз думала о нем с девичьим томлением в теле. Но сейчас Василиса ненавидела его. Этот подонок разрушил всю ее жизнь. Тут не может быть ни прощения, ни жалости.

– Вы думаете, что эти парни... – начал было Кистенев.

– Эти бандиты! – перебила она его.

– Думаете, что эти бандиты спровоцировали столкновение?

– Я сейчас не могу думать, – сказала Василиса, качнула головой и приложила пальцы к вискам.

Устала она, пока рассказывала, ни душевных сил у нее не осталось, ни физических.

– А как их найти, вы знаете? – спросил следователь.

Василиса кивнула. Она не могла вспомнить регистрационный номер на машине Матвея, но это мог сделать кто-то из телохранителей Рубахова-старшего. Возможно, эти ребята еще и справки навели. Они-то и помогут найти убийц.

Глава 4

Ларьков много, товаров еще больше, а машина одна. Весь день по городу, как белка в колесе. Столько дел еще не сделано, а надо ехать домой. Матвей практически уверен был в том, что за ним придут.

Так и оказалось. Дома его ждали. Их было двое, оба немолодые. Один жесткий, поджарый, другой внешне мягкотелый, но взгляд такой же цепкий, как когти ястреба.

Лилька поила оперативников чаем. Ходила она перед ними в спортивном костюме. Неинтересен ей был этот контингент, не хотелось с ментами дружить. К тому же Матвей проинструктировал ее перед тем, как отправиться на работу.

От нее требовалось подтверждение его алиби, а легкомысленной особе веры не будет. Именно поэтому она должна была казаться серьезной девушкой. В результате на ее лице лежала печать невыразимой скуки.

Оперативники держались настороженно, но наручники на Матвея надевать не торопились. Начали они с главного вопроса. Где он провел ночь с двадцать четвертого на двадцать пятое июля сего года?

– Я могу сказать, с кем провел эту ночь, – ответил Матвей и посмотрел на Лильку одним глазом.

Другим он следил за поджарым оперативником. Не нравилась ему внутренняя напряженность капитана Косулина, его нацеленность на результат. Если он уже назначил Матвея виновным, то переубедить его будет сложно. Возможно, решение уже принято и ночевать сегодня Матвею придется в камере предварительного заключения. Просто менты решили допросить его в домашней, расслабляющей обстановке.

– А где провел эту ночь ваш друг Антон Ваничев?

Матвей глянул на Лильку так, как будто она скрыла от него присутствие Антохи в их постели, но решил оставить эту шутку при себе. Слишком серьезное дело.

Ирония сейчас неуместна.

– Не было его у нас.

– А где он был?

– Я откуда знаю?

– Вы занимаетесь ларечной торговлей?

– Вы занимаетесь розыском преступников? Может, проинформируете, в чем вы меня подозреваете?

– А вы не знаете?

– Давайте вы зададите мне этот вопрос в присутствии моего адвоката. Он вам объяснит, что так дела не делаются. Говорите прямо или гуляйте! – Матвей показал в сторону порога.

Оперативники переглянулись. Один из них кивнул другому. Только тогда тот нехотя объяснил, в чем его подозревают.

– Я не при делах, – заявил Матвей и качнул головой.

– А ваш друг Антон Ваничев?

– Он друг моего покойного брата. – Матвей почесал переносицу, которую жег взглядом капитан Косулин. – Я с ним дел не имею. Если только бакланов от ларьков отогнать.

– Василиса Улеева видела вас вместе.

– Вот как раз бакланов мы тогда и отгоняли.

– Вы столкнулись с автомобилем гражданина Рубахова. Как можете это объяснить?

- Случайность.

- А деньги зачем вымогали?

- Не вымогал, а требовал оплатить ремонт.

- Зачем вы интересовались родителями Глеба Рубахова? - Косулин смотрел в глаза Матвея пристально, въедливо.

- Да по шее огребать, если честно, не хотелось, - ответил тот и провел пальцами по скуле.

Там до сих пор еще оставалось небольшое уплотнение после удара.

- Отец Глеба Рубахова показался вам опасной целью, поэтому вы переключились на его компаньона. Так получается?

- На какого компаньона?

- Речь идет об Улееве Константине Максимовиче.

- А они с Рубаховым компаньоны?

- Как вы узнали адрес Улеева?

- А я узнавал его адрес?

- Адрес узнал Ваничев.

- С него и спрашивайте, - заявил Матвей, выпятил нижнюю губу и резко подул вверх, прогоняя дым.

Ему казалось, что тот поднимался от его переносицы, которую Косулин пытался прожечь взглядом.

- Как его найти?

- Поселок Репнево, улица Пирогова, дом восемьдесят три. - Матвей назвал адрес прописки, о котором менты не могли не знать.

- Еще где он может быть?

- Понятия не имею.

- Нет? - Косулин потрогал себя за подбородок, внимательно, в раздумье глянул на Матвея.

- Нет.

- Собирайтесь, проедете с нами.

Матвей недовольно цокнул языком, но ничего не сказал. С ментами в таких случаях лучше не спорить.

Семен Александрович стоял у окна, приложив к уху телефонную трубку. От внутренней натуги на шее у него вздулась жила.

- Почему ты не успел? - зло спросил он невидимого собеседника, выслушал ответ и заявил: - Узнай, где этот тип... - Он явно хотел сказать еще что-то, но, глянув на Василису, не решился озвучить свою мысль, отключил телефон и заявил, стараясь сдерживать эмоции: - Задержали этого Матвея. Милиция постаралась.

Семен Александрович был среднего роста, такой же худощавый, как и Глеб, но при этом со стороны казался куда более плотным и тяжеловесным. Если Глеба мог сдуть сильный ветер, то этого и смерчем с места не сдвинешь. Голос у него густой, глубокий, с металлическим звучанием.

- Милиция работает, - сказала девушка.

- Да, работает. Но вдруг упустят?

- Куда упустят? - не поняла Василиса.

Она сидела на кухонном стуле, подавленно сложив руки на коленях. Можно было перебраться в каминный зал, в мягкое кресло, но там бандиты убили маму и отца.

- Ну вообще упустят. Ты же его не видела здесь?

- Нет.

- Никто не видел. Еще и алиби найдется. Я не позволю ему выкрутиться, - зло, сквозь зубы проговорил Рубахов.

- Я его друга видела, - тихо сказала Василиса.

Девушка не хотела спать, могла просидеть в таком положении час, два, всю ночь. Если кто-то вдруг положит ее на пол, то она не станет искать в себе силы подняться, просто закроет глаза. Это не страшно - лежать и ничего не видеть. Да и умереть Василиса не боялась. После этого ее заберут к себе мама с папой. Что ей одной на этом свете делать?

- С другом, само собой, разберемся. И с другом, и с его бандой.

- С их бандой, - едва слышно проговорила Василиса.

Оговорился Семен Александрович. В банде был не только Антоха, но и Матвей. Это их банда. Твари!

- Обязательно разберемся. Жестоко накажем. Я Костю этим ублюдкам не прощу. Да и твою маму тоже. Может, ты к нам все-таки поедешь?

- Нет, - ответила Василиса и качнула головой.

Девушка совершенно не боялась остаться в доме, где произошло убийство. Если вдруг в сумраке вечера всплывут призраки родителей, то она будет им только рада.

- Как знаешь. Глеб, ты останешься с Василисой.

Семен Александрович не спрашивал, он ставил сыну задачу, и тот не посмел перечить. Даже не пикнул.

Когда отец исчез, Глеб без спросу полез в бар, достал оттуда бутылку виски.

- Думаешь, я хочу выпить? - спросил он, разглядывая этикетку.

- Я хочу, - неожиданно для себя сказала Василиса.

Почему бы ей действительно не напиться и не забыться? Она упала в обморок, увидев мертвых родителей. Ей сделали успокоительный укол, а могли бы просто налить двести грамм.

- Рано еще.

- Что рано?

- Рано еще поминать. На третий день можно.

- Я не поминать.

- Нельзя. Отец меня убьет, если узнает, что я тебя споил.

Василиса всхлипнула и заплакала. Она когда-то и сама так говорила, выпивая на дне рождения у подруги: «Отец убьет, если узнает». Ей хотелось сказать так и сейчас, но ведь не накажет ее отец. Да и мама никогда не накричит на дочку. Что в этом хорошего?

- Ладно. - Глеб подал ей наполненный стакан.

Она взяла его, но первый глоток сделала не сразу, лишь через какое-то время. В стакане был виски, однако крепкая горечь не обожгла горло, от нее не засвербило в носу. Василиса выпила еще.

Потом был бутерброд с сыром, затем снова виски. Чем больше, тем легче шло. А вот походка стала шаткой, тяжелой. Василиса с трудом перешла в зал.

Усаживаясь в кресло, она подумала о том, что в дом снова могут нагрянуть бандиты. Они что-то здесь искали, но, похоже, ничего не нашли. Отец молчал, а погром эти животные устроить тут не успели.

Бандиты могли вернуться, но Василису это почему-то уже не пугало. Она всего лишь возмутилась, когда появился Матвей. Он подошел к ней, что-то сказал на ухо, взял за руку, помог подняться, обнял за талию.

Этот парень вел ее на второй этаж, а она лишь усмехалась. Там окно, через которое Василиса обязательно сбежит. Но в милицию звонить не станет. Сама все сделает. Ворвется в каминный зал, схватит чугунную кочергу, перебьет всех, спасет маму и отца.

В окно Василиса выпрыгивать не стала. Так уж вышло, не успела она подняться по лестнице, как уже оказалась в кровати. Матвей лег рядом с ней. Она чувствовала его жаркое дыхание.

Он лежал рядом. Рука у него наготове. Стоит ей только подняться, как он поймает ее, крепко прижмет к себе. В холле теперь стоял Антоха. Он не позволил бы ей выпрыгнуть в окно.

Василиса уже заснула, когда Матвей вдруг с силой прижал ее к себе. Она вяло трепыхнулась, не чувствуя в себе сил. Связал ее Матвей так, что не вырваться. Но и удовольствие она получать не собиралась.

Проснулась Василиса рано утром. За окном было уже светло, но солнце еще только выползло из-за горизонта. Вставать ей было рано. Голова тяжелая, глаза слипались, под ночной рубашкой ощущался дискомфорт.

Василиса резко распахнула глаза. Дискомфорт был, а ночной рубашки не оказалось. Матвей!.. Сначала этот ублюдок убил родителей, а затем грязно надругался над их дочерью, подло воспользовался ее беспомощностью.

Василиса резко перевернулась с боку на бок и увидела Глеба. Не было тут никакого Матвея. Рядом с ней нагло сопел в две дырочки совсем другой подлец.

Зло взорвало Василису изнутри. У Глеба просто не осталось шансов удержаться на кровати. Неважно было, когда он проснулся, до того, как бухнулся на пол, или после.

- Мразь! - А вот на крик сил у нее не хватило, вышел какой-то жалкий хрип.

Впрочем, Глеб все понял.

- Ты же все равно выйдешь за меня замуж, - сказал он, обматываясь простыней.

- Кто тебе такое сказал? - Василиса без сил легла на спину и закрыла глаза.

Тяжелое похмелье навалилось на нее, как мужчина на женщину, вжало голову в подушку.

- Теперь я знаю, что ты девочка. Была.

- Сволочь, - едва слышно пробормотала она.

- Я у тебя первый и единственный, - сказал Глеб и осторожно лег рядом с ней.

Только тогда Василиса осознала, что лежит перед ним без ничего. Но пошевелиться она не могла. Да и ни к чему было суетиться. Он же все видел.

- Подлый ты.

Да, действительно, сам простыней обмотался, а ей хотя бы наволочку с подушки снял.

– Зато ты самая лучшая. – Он провел рукой над ее животом, не решаясь прикоснуться к нему.

– Не для тебя.

– Для меня. Тебе нужна семья, тепло и забота.

Василиса и хотела кивнуть, но не решилась. И семья ей нужна, и забота. Глеб, как ни крути, самая лучшая партия для нее. А любовь... Стерпится – слюбится, как говорится.

– Я тебя не обижу. – Все-таки он прикоснулся к ней, провел рукой по бедру вниз до колена.

Возмущения как такового у нее не было, но силы, чтобы выразить его, нашлись.

– Не трогай меня!

– Все! – Глеб засуетился, накрыл Василису простыней.

После этого она смогла повернуться к нему спиной.

– Только тронь! – пробормотала она и зловредно улыбнулась, выковыривая из памяти мутные фрагменты прошедшей ночи.

Василиса не помнила, как оно было, но твердо знала, что отдавалась она не Глебу, а Матвею. Да, он враг, но лучше лишиться девственности с ним, чем с кем-то еще.

Два дня в изоляторе закончились подпиской о невыезде и выходом на волю. Менты Матвею даже обвинение не предъявили. Не было его в доме Улеевых, не мог он убить там никого.

Однако следователь не был в том уверен.

– Ты, Вересов, не расслабляйся, еще, как говорится, не вечер. Возьмем Ваничева
– глядишь, и твое дерьмо всплывет, – сказал он, кивком показывая на дверь.

– Не всплывет, – заявил Матвей.

– А Ваничева возьмем? – Кистенев сощурил глаза, внимательно глянул на него.

– Без понятия.

Матвей повернулся к двери, а он продолжал смотреть на него. Парень подумал, что этот тип не отстанет от него. Просто за ним будет наблюдать не он сам, а его люди. Вдруг он выведет их на Антоху?

Открыв дверь, Матвей мигом забыл и о следователе, и о своем непутевом дружке. В коридоре в ожидании приема стояла Василиса. С черной лентой на лбу, суровая, печальная и красивая до нервного зуда.

Матвей переступил порог и остановился, как будто в землю врос, окаменел.

Василиса узнала его, губы ее дрогнули, брови взметнулись вверх. Правая рука пошла на замах. Матвей мог увернуться, но не стал этого делать и блок не поставил. Василиса с размаху влепила ему пощечину.

Ей осталось только плюнуть ему в лицо, но Матвей не стал ждать, когда она до этого додумается. Он повернулся к ней спиной и неторопливо пошел прочь.

– Мразь! – донеслось ему вслед.

Матвей показал пропуск на проходной, но далеко уходить не стал, спустился с крыльца, встал под сосной и закурил.

Василису он ждал не меньше получаса. Она вышла из здания прокуратуры и, не останавливаясь, направилась к воротам. Матвей нагнал ее, но не рискнул подойти к ней ближе, чем на расстояние вытянутой руки.

Василиса заметила его, однако не остановилась, головы не повернула, только буркнула:

– Уйди!

– Тебе ведь следователь все сказал.

– Уйди, пожалуйста! – Василиса напряженно опустила руки, нервно сжала кулаки.

– Я даже не знал, что там затевается.

Василиса продолжала идти, но Матвей остановился. Не в том она сейчас настроении, чтобы верить ему. А он не собачка, чтобы бегать за ней. Может, как-нибудь потом, когда все уляжется. Точки соприкосновения у них есть, значит, когда-нибудь они пересекутся.

– Мои соболезнования, – произнес он ей в спину.

Василиса успела сделать несколько шагов, прежде чем ее догнали эти слова.

Остановилась она резко. Ноги уже уперлись в землю, а голова продолжала движение.

Но равновесия девушка не потеряла, так же резко повернулась к Матвею и зло, с осуждением спросила:

– Что ты сказал?

– Имею право так говорить. Потому что не при делах.

– А кто при делах?

– Я не бандит и никогда им не был. Бизнес у меня, ларьки, «Сникерсы», «Марсы».

– А твой Антоха?

– Антоха – друг моего брата.

– А брат?

– Брата убили. В прошлом году.

– Брат был бандитом. – Василиса не спрашивала, а утверждала.

Видимо, Кистенев поделился с ней информацией.

– Да, но там тоже все из-за бизнеса приключилось. Брат не захотел делиться с серьезными людьми. Может, и твой отец перешел кому-то дорогу.

– Мой отец перешел дорогу вам!

– Нам перешел дорогу Рубахов. Он, кажется, компаньон твоего отца.

– И что?

– Знаешь, почему в моем бизнесе нет компаньонов?

Матвей не давил на Василису, но почувствовал, что его слова проникли в нее. Между ними протянулся невидимый мост, по которому она пошла ему навстречу.

– Почему? – спросила девушка.

– Да потому, что денег много не бывает. Компаньону всегда будет мало. Рано или поздно он захочет меня убрать.

– И что?

– А то!.. Телохранители Рубахова могли пробить нас, выйти на Антоху, на его банду. А там сейчас голяк, мелководье, крокодил не ловится, не растет кокос.

– Кокос? – Василиса посмотрела на него с явным осуждением, адресованным и ему, и себе.

– Они сейчас за любой заказ готовы взяться. Вот и подписались.

- Заказ?

- Мокрый заказ. На твоего отца, - сказал Матвей.

- Кто моего отца заказал? - Василиса медленно приближалась к нему.

- Это слишком серьезное обвинение, а доказательств у меня нет.

- Рубахов? - Василиса порывисто взяла Матвея за руку и сжала его указательный палец с такой силой, как будто хотела сломать.

- Одно я знаю точно. Моей вины в твоей беде нет.

- Нет? - Василиса смотрела на него внимательно, не мигая.

Ему пришлось напрячь палец, чтобы она не вывернула его в суставе.

Можно было, конечно, покопаться в логике вещей, поискать там поводы, причины и следствия. Если бы Матвей тогда не погнался за мажором, то Рубахов не вышел бы на них, не сделал бы Чистику деловое предложение. Но, во-первых, у парня не было никакого желания посыпать голову пеплом, во-вторых, Антоха ничего не говорил о Рубахове. Был заказ, а о том, кто его сделал, оставалось только догадываться.

- Ты на машине? - спросила Василиса.

Матвей отрицательно качнул головой. Оперативники доставили его в отделение на своей тачке, а вот домой отвозить не собирались. Да он в общем-то на этом и не настаивал.

- Подвезешь? - Она достала из сумочки ключи с логотипом «БМВ». Серебристая машина стояла у самых ворот. - А то я плохо умею, - сказала она, чуть помолчала и добавила: - Да и права у меня недействительны.

Матвей заинтригованно повел бровью.

- Восемнадцать еще нет, - пояснила девушка.

- Ну, если ты мне доверяешь, - сказал он, забрал у нее ключи, открыл переднюю пассажирскую дверцу, подал Василисе руку.

- Поздно, - тихо сказала она.

- Что поздно? - не понял парень.

- Доверять. - Она села, сдвинула ноги, провела руками по джинсам.

- В смысле?

- Не ищи смысла. Просто отвези меня домой.

Он кивнул, закрыл за ней дверцу, занял водительское место, выехал за ворота и только тогда спросил:

- А ехать куда?

Василиса посмотрела на него как-то странно, наклонив голову в сторону от него. Даже не исподлобья глянула, а из-под носа.

- А ты не знаешь?

- Понятно. - Матвей усмехнулся.

Видимо, общение со следователем не прошло для нее даром. Нахваталась она хитрых штучек из его арсенала, вот и решила устроить Матвею проверку. Если он знает, куда ехать, значит, уже бывал в ее доме, понятно, когда и зачем. Такая вот простая логика.

- Мог бы у следователя спросить, - немного подумав, сказала она.

- Он говорил, что где-то на Рублевке, - вспомнил Матвей.

– А конкретно?

– Конкретно он бы не сказал. Вдруг я попытаюсь убрать свидетеля, – рискнул пошутить он.

– Это смешно? – Василиса удивленно и с укором повела бровью.

– Ты бы могла так подумать, – сказал Матвей и пожал плечами.

Еще Василиса могла закинуть удочку в омут, в котором водились бандиты. Антоха не задержался в его доме, но кое-что успел сказать. Матвей знал, кто именно убил родителей Василисы. На Чистика он не показал, да и других не сдал из уважения к брату и к себе. Но не исключено, что Василиса решила выпытать у него тайну. Вдруг Матвей проговорится? Ей же нужна правда.

– Я на самом деле свидетель, видела твоего друга.

– Антоха мне не совсем друг, – спокойно, без эмоций сказал Матвей. – Но я не отрекаюсь от него, даже могу ему в чем-то помочь. Тебя это не пугает?

На этот раз Василиса глянула на него, наклонив голову влево, но телом при этом подалась вправо и мизинцем провела по двери в поисках ручки. Ведь Матвей действительно мог убить ее, чтобы спасти своих дружков. Об этом она почему-то не подумала.

– За нами следят? – спросил он.

– Нет. Ой, то есть да, – чересчур поспешно поправилась девушка.

– Ситуация на самом деле очень серьезная. А ты без охраны. Почему?

– Ну...

– Не хочешь – не говори.

– Я сбежала от Глеба. Он как банный лист. Замуж зовет.

- Отец не против?

- Нет. А почему тебя это волнует?

- Потому что он без охраны тебя отпустил.

- Я же говорю, что сбежала.

- А охрана нужна. И Антоха где-то гуляет...

- Что ты знаешь про Антоху?

- Решила на него поохотиться? - с усмешкой осведомился Матвей. - Это ты зря. Тебе сейчас самой под куст надо. Сидеть там, не отсвечивать. А ты мотаешься туда-сюда. Кистенев и сам бы мог приехать к тебе, не сахарный, не растает. Не Советский Союз, не развалится.

- Да он в общем-то не настаивал. Развеяться захотелось. Да и тетя Роза достала. - Василиса косо глянула на Матвея.

Интересно ему это или нет?

Он не реагировал. Какое ему дело до какой-то там тети Розы? У Василисы наверняка есть родственники. Теперь они слетаются сюда в надежде на наследство. Матвею это фиолетово.

- Приехала, расфуфырилась, - посетовала Василиса и снова с той же осторожностью глянула на Матвея.

Теперь он все понял. Девчонке нужно выговориться, а свободные уши есть только у него. Три дня прошло с тех пор, как погибли ее родители, она только-только отходить стала.

- Да ты рассказывай, - сказал Матвей.

Но Василиса не расслабилась, не раскрепостилась.

- Она ведь тоже думает, что меня бандиты могут убить, – проговорила она.
- Правильно думает.
- Может, я назло ей одна поехала?
- Надо не назло, а по уму.
- А если мне не страшно?
- Назло?
- Просто умереть.
- Антоха тебе спасибо скажет.
- А ты?
- Я же говорю, что не при делах.
- И не бандит?
- Хочешь, я тебя к ларьку своему отвезу? Там сертификат на мое имя, глянешь на него.
- Хочу! – сказала Василиса, вдруг развернулась лицом к Матвею, положила локоть на спинку кресла, затылком уперлась в боковое стекло.

Машина почти новая, не дребезжит, юзом не идет. Дверца наверняка выдержит вес легкого девичьего тела.

- Не веришь?
- Просто домой не хочу.

- Тетя Роза? – спросил Матвей.

- И Глеб. Она еще молодая. Может, он ее напоит? – проговорила Василиса, не сводя с него глаз, и усмехнулась.

- В каком смысле напоит?

- Смысл есть. Она ведь и правда молодая, Семен Александрович козлом вокруг нее прыгал.

- Семен Александрович?

- Рубахов. Он и в самом деле мог заказать отца?

- Заказали вас всех. Тебя в том числе.

- Ты знаешь?

- Если ты видела Антоху, значит, он был без маски.

- Все они были без масок.

- Значит, ты не должна была никого опознать.

- Твой брат был главарем этих ублюдков?

- Ублюдками они стали... – Матвей осекся.

На самом деле Чистик всегда был ублюдком. И Пухнарь такой же, и Утяк, да и Антоха нисколько не лучше. Просто Матвей пытался идеализировать своих друзей-бандитов. Но ведь сам по стопам своего брата не пошел. Значит, понимал, кто есть кто, потому и занялся чистым бизнесом.

- Ты же не ублюдок? – Василиса с надеждой посмотрела на него.

- Я никого никогда не убивал.

- Ты отвезешь меня к ларьку?

Матвей кивнул. Он готов был везти ее куда угодно, лишь бы не оставлять наедине с Глебом. Василиса должна принадлежать ему, а не какому-то мажору. Он в общем-то и раньше это знал, но сейчас у него возникла потребность бороться за нее.

Василиса открыла перчаточный ящик, заглянула внутрь и заявила:

- Давай на Воздвиженку.

- У меня там нет ларька.

- Все равно! - сказала она и откинулась на спинку кресла.

- Что все равно?

- Вообще все равно. - Она назвала точный адрес и закрыла глаза, давая ему понять, что нуждается в тишине.

Глава 5

Родители погибли, скользкий Глеб залез в постель, тетя Роза села на уши - спасу нет. Тоска душит, апатия убивает краски, мир тонет в черно-белых тонах. Один только Матвей остается в цвете, причем в красном. Может, он и не проливал кровь ее родителей, бандитом отродясь не был, но Антона знал. Да и других бандитов тоже.

Но Матвей живой, когда вокруг все мертвое. Он как глоток свежего воздуха. Василиса хотела вдохнуть его полной грудью.

- Давай ни о чем не думать! - сказала она, сначала захлопнула дверь, затем зажмурилась, прильнула к Матвею и чуть приоткрыла рот.

Квартира на Воздвиженке небольшая, прихожая тесная, но именно это ей сейчас и было нужно. В тесноте легче дотянуться до Матвея. Он очень большой и сильный, в нем столько высоты и раздолья.

Парень понял все правильно, поймал ее губы, и от прилива чувств голова у девушки пошла кругом. Ураган страсти не подхватил ее, она сама почувствовала себя маленьким смерчем. Василису закрутило, мягко, но с силой оторвало от земли, понесло к облакам. Небо окрасилось в радужные тона, заиграла красками и земля под ногами. Она могла свалиться с высоты, разбиться, но чувство страха не успело оформиться, переросло в полный восторг. Если Василиса разобьется, то вместе с Матвеем.

Он действительно мог навести смерть на ее родителей. Василиса не исключала этого. Но ведь она обещала себе ни о чем не думать, голову отключила задолго до того, как попала в свою квартиру.

Матвей и сам разошелся как ураган, подхватил Василису, отнес на кровать или, может, просто уложил на пол. Она не хотела понимать, где находится, чем все для нее может закончиться, умерла для этой жизни, чтобы воскреснуть в новой.

В новую жизнь люди входят без одежды. Матвей, должно быть, это понимал. Он снял с нее все, и она ему в этом помогла. Если Глеб видел ее без ничего, то почему она должна была теперь прятаться от Матвея?

Василиса чувствовала себя воздушным шаром. Горячий воздух поднял ее высоко-высоко. Кто-то должен был остановить этот полет. Только Матвей и мог это сделать.

Она крепко прижалась к нему, требуя немедленного вмешательства. Он пошел ей навстречу, Василиса почувствовала себя в его крепких руках. Матвей продолжал подавать горячий воздух в ее шар. Чувство полета усилилось, но страха не было. Она не боялась лопнуть на высоте седьмого неба и даже взывала от восторга, когда это наконец-то произошло.

Потом Василиса долго просыпалась, чувствовала себя пьяной от счастья. Это ведь Матвей взял ее тогда, ночью, когда она перебрала виски. Он залез к ней под одеяло, Василиса его чувствовала. Сейчас этот парень здесь, с ней.

Василиса осторожно открыла глаза и улыбнулась, увидев Матвея. Они лежали на кровати в родительской спальне. Через окно в комнату вливался яркий свет новой жизни. Родительская постель больше не будет пустовать, жизнь продолжается.

- Думать можно? - с улыбкой спросил он.

Она лежала, заботливо укрытая простыней. Он - голый по грудь. Сильная шея, широкие плечи, отчетливо проступающие грудные мышцы. Это не чахлый Глеб, а настоящий мужчина. Теперь Василиса знала, как это здорово - чувствовать его в себе и быть настоящей женщиной.

- Что это? - Она провела пальцем по его плечу, на котором красовалась татуировка - летучая мышь под парашютом на фоне земного шара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/vladimir-kolychev/chernaya-polosa>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)